

УДК 821.111.0'05:81'42

ИВАНЕНКО С.В.

(Запорожский национальный университет)

ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ ЕДИНИЧНОГО И ОСОБЕННОГО В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается анализ текста как логико-семантического пропозитива (ЛСП) высшего уровня, при этом внимание уделяется использованию лингвофилософских категорий единичного и особенного для понимания глубинного смысла текста. Анализируется использование лексико-семантической группы слов цветообозначения русского и английского языков в тексте художественного произведения как форм выражения данных категорий.

Ключевые слова: логико-семантический пропозитив (ЛСП) высшего уровня, лингвофилософская категория единичного, лингвофилософская категория особенного, лексико-семантическая группа слов цветообозначения.

Иваненко С.В. Лингвофілософські категорії одиничного та особливого в тексті художнього твору. У статті висвітлюється аналіз тексту як логіко-семантичного пропозитиву (ЛСП) вищого рівня, при цьому увага спрямовується на використання лингвофілософських категорій одиничного та особливого для розкриття глибинного змісту тексту. Аналізується використання лексико-семантичної групи слів на позначення кольору російської та англійської мов у тексті художнього твору як форм вираження цих категорій.

Ключові слова: логіко-семантичний пропозитив вищого рівня, лингвофілософська категорія одиничного, лингвофілософська категорія особливого, лексико-семантична група слів на позначення кольору.

Ivanenko S.V. Lingua-philosophical categories of the Single and the Special in the fiction text. The article covers the text analysis as logical-semantic logeme of the highest level. Special attention is given to the usage of lingua-philosophical categories of the Single and the Special for understanding deep-level content of the text. The usage of the lexico-semantic group of colour terms in Russian and English in the fiction text as forms of these categories is analysed.

Key words: logical-semantic logeme of the highest level, lingua-philosophical category of the Single, lingua-philosophical category of the Special, lexico-semantic group of colour terms.

Цель статьи – рассмотреть текст художественного произведения как логико-семантический пропозитив (ЛСП) высшего уровня, проанализировать использование лексем цветообозначения как форм выражения лингвофилософских категорий единичного и особенного для понимания глубинного смысла текста.

Объект исследования – лингвофилософские категории единичного и особенного.

Предмет исследования – лексемы цветообозначения как формы выражения лингвофилософских категорий единичного и особенного.

В данной статье мы рассматриваем *текст* как “логико-семантический пропозитив (ЛСП) высшего уровня, то есть результат мыслительно-речевой деятельности, складывающийся из языковой и речевой семантики и квалифицируемый по характеру отражения в тексте (предмета речи/мысли) категории персональности” [Кондратьева 1993, с. 143]. Текстовый феномен – “это система *структурно-семантических категорий*, имеющих глубинный и поверхностный характер проявления” [Кондратьева 1993, с. 189]. *Лингвофилософская категория единичного* – это структурно-семантическая категория с семантической доминантой, содержащая семы ‘конкретность’, ‘типичность’ и имеющая многоуровневые средства выражения [Иваненко 2001]. *Лингвофилософская категория особенного* – это структурно-семантическая категория с семантической доминантой, отражающая нетипичное, уникальное явление и имеющая языковые средства выражения. Категория особенного чётко осознаётся на фоне единичного, поскольку у этих двух категорий, особенного и единичного, имеется не только общее в семантической структуре, но и различие, что кроется в семе ‘уникальное’. Претерпевая процесс метафоризации, лексемы цветообозначения становятся формами выражения категории особенного на лексическом уровне [Иваненко 2001].

На лексическом уровне *лингвофилософская категория единичного* проявляется при выделении лексем цветообозначения, которые воспринимаются как единичные, благодаря наличию определённой, известной, конкретной, обособленной семантики, присущей одной определённой лексеме. На основании этого возможно её дальнейшее сопоставление с другими лексемами, а также включение её в текст. Семы ‘конкретность’, ‘известность’, ‘типичность’, ‘единичность’ ярко представлены в лексико-семантической группе слов цветообозначения и разнообразно используются авторами в ЛСП высшего уровня.

Лексемы цветообозначения как формы выражения *лингвофилософской категории особенного* в ЛСП высшего уровня используются авторами произведений при создании

цветовой символики, при описании многоцветия окружающего нас мира. Система структурно-семантических категорий с семантической доминантой, куда входит и рассматриваемая категория, формирует глубинную семантику художественного текста [Иваненко 2001].

Принцип многоярусной семантики позволяет видеть содержание, лежащее на поверхности, призванное маскировать скрытый смысл и глубинное содержание текста, которое “спрятано”, как в упаковочном материале, в поверхностном содержании [Кондратьева 1993, с. 147]. Текст как ЛСП высшего уровня требует определённого сложного истолкования. Выделяется семь уровней истолкования текста: грамматический, телеологический, систематизирующий, философский, прагматический, исторический и семантический [Кондратьева 1993, с. 148]. При телеологическом истолковании текста, то есть правильном понимании “смысла” и цели изложенного, необходимо соблюдать правила топикализации, помогающие правильно определить тему сообщения [Ли, Томпсон 1982, с. 193-235; Чейф 1982, с. 277-316]. На уровне текста правила топикализации предполагают выделение топика 1 и топика 2, где топик 1 – тема сообщения макротекста, а топик 2 – основной предмет сообщения макротекста [Кондратьева 1993, с. 151]. Порой лексемы цветообозначения служат средством толкования топиков. Например, в рассказе С.Моэма “Рыжий” темой сообщения, макротемой (топиком 1) является понятие, которое заключено в лексеме цветообозначения *рыжий*, ремой указанной темы являются описание его действий, мыслей, чувств. Основным предметом сообщения (топиком 2) в данном случае являются диады “*Рыжий – Салли*”, “*Рыжий – Нейлсон*”, “*Нейлсон – Салли*”, поскольку это формы представления категории персональности данного рассказа, а в тексте чаще всего топик 1 и топик 2 представляют персону. В самом названии данного художественного произведения потенциально заложены семы ‘нетипичность’, ‘уникальность’, которые свойственны категории *особенного*, а специфика семантики текста заключается в её многослойности, в существовании поверхностной и глубинной семантики.

На поверхностном уровне лексема *рыжий (red)* называет человека, который получил это прозвище благодаря цвету волос, которые были “*красно-жёлтые, огненного цвета*”:

Рыжий был красавец хоть куда ... он был ослепительно красив. **Рыжим** его прозвали за **огненные** волосы. Должно быть, это был тот чудесный оттенок, Его кожа была **ослепительно белая**, бархатистая, как у женщины. У него были большие **синие** глаза, такие **тёмные**, что некоторые утверждали, что они **чёрные**. И в отличие от большинства **рыжих – тёмные** брови и длинные **тёмные** ресницы ... рот похож на **кровавую** рану. Не было человека красивее его [Моэм 1982, с. 87-109]. – ... that *Red* was the most comely thing you ever saw ... his beauty just took your breath away. They called him *Red* on account of his *flaming* hair. It must have been of that wonderful colour His skin was *dazzling white, milky, like satin*, his skin was like a woman's. He had large *blue* eyes, *very dark*, so that some say they were *black* and unlike most *red-haired* people he had *dark* eyebrows and long *dark* lashes. His mouth was like a *scarlet* wound. There never was anyone more beautiful [Maugham 1977, p. 242-273].

Но на глубинном уровне в лексеме цветообозначения *рыжий (red)* актуализируются семы ‘нетипичность’, ‘уникальность’, которые являются характерными для категории *особенного*. Сема ‘цвет’ гасится, и актуализируются семы ‘безответственный’, ‘распутный’, ‘непостоянный’, ‘ненадёжный’, ‘расточительный’, ‘ужасный’, ‘возмутительный’, ‘отвратительный’ человек при описании главного героя рассказа (в англ. языке: *b b: of an extreme or profligate nature; syn. FLAGRANT, WANTON* [Webster's 3-d New International Dictionary 1967, p. 1900]):

он был толст ... тяжёл и тучен ... очень полный – he was a portly man ... fat and heavy ... very stout; заплывшее жиром лицо, **красное** и всё в пятнах, щёки покрывала сеть **фиолетовых** жилок – his face was *red* and blotchy, with a network of little *purple* veins on the cheeks, and his features were sunk into its fatness; глаза были **налиты кровью** – his eyes were *bloodshot*; он был совершенно лыс, если не считать длинной курчавой и почти **белой** бахромы волос на затылке – but for a fringe of long curly hair, nearly *white*, at the back of his head, he was quite bald; этот грубый, ожиревший человек вызывал такое сильное отвращение – that gross, obese man excited in him so violent a repulsion [Моэм 1982, с. 87-109; Maugham 1977, p. 242-273].

Лексико-семантическая группа слов цветообозначения в ЛСП высшего уровня используется автором для описания мира человека – его портретных данных, эмоционального

и физического состояния. Лексико-семантическая группа слов цветообозначения в русском, а также английском языках, будучи формами выражения *лингвофилософских* категорий *единичного* и *особенного*, имеет специфические формы своего текстового выражения. Формы *категории единичного* широко представлены в лексемах цветообозначения в рассказе для описания природы и человека. *Категория особенного* в английском и русском языках имеет специфические формы своего выражения на уровне ЛСП в группе лексем цветообозначения, являясь одним из основных средств метафоризации художественного произведения. *Категория особенного* в современном английском и русском языках возникает за счёт метафоризации.

Рассматриваемые категории входят в систему структурно-семантических категорий, имеющую уровневый характер и участвуют в формировании логико-семантического пропозитива высшего уровня. Лексемы цветообозначения, а также лексические комплексы, содержащие их, позволяют актуализировать и лучше понять глубинную семантику ЛСП высшего уровня.

Литература

Иваненко С.В. Единичное и особенное в лексико-семантических группах цветообозначения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / С.В. Иваненко – Запорожье, 2001. – 190 с. Кондратьева Г.Н. Обобщённость как структурно-семантическая категория в современном русском языке: [монография] / Галина Николаевна Кондратьева. – М.: Прометей, 1993. – 200 с. Ли Ч.Н., Томпсон С.А. Подлежащее и топик: новая типология языков / Ч.Н. Ли, С.А. Томпсон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. – М.: Прогресс, 1982. – С. 193-235. Моэм У.С. Дождь. Рассказы: Пер. с англ. – М.: Изд-во “Мир”, 1982. – 431 с. (Рыжий. – С. 87-109). Чейф У.Л. Данное, контрастивность, определённости, подлежащее, топик и точка зрения: Пер. с англ. / У.Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. – М.: Прогресс, 1982. – С. 277-316. Maughan W.S. Rain and Other Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1977. – 407 p. (Red. – P. 242-273). Webster’s Third New International Dictionary of the English Language (unabridged). – A Merriam-Webster Reg. U.S. Pat. OFF, 1967. – 2720 p.

УДК 811.111+81’373.23

ІСМАЇЛОВА Е.А.

(Запорізький національний університет)

МЕТАФОРИЧНІСТЬ АЛЮЗИВНИХ АНТРОПОНІМІВ (НА МАТЕРІАЛІ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ)

У статті розглядаються метафоричні алюзивні антропоніми. Встановлено особливості семантичної структури алюзивних антропонімів; виявлені когнітивні механізми метафоричного переосмислення онімів.

Ключові слова: алюзивний антропонім, метафора, ядро, периферія.

Исмаилова Э.А. **Метафоричность алюзивных антропонимов (на материале английского языка).** В статье рассматриваются метафорические алюзивные антропонимы. Установлены особенности семантической структуры алюзивных антропонимов; выявлены когнитивные механизмы метафорического переосмысления онимов.

Ключевые слова: алюзивный антропоним, метафора, ядро, периферия.

Ismayilova E.A. **Metaphorization of allusive anthroponyms (on the material of English language).** The article deals with the metaphorical allusive anthroponyms. Features of semantic structure of allusive anthroponyms are settled; cognitive mechanisms of metaphorical rethinking of proper names is represented.

Key words: allusive anthroponym, metaphor, centre, periphery.

У сучасній лінгвістиці існує безліч різноманітних визначень метафори, які відрізняються в залежності від того, яка ознака покладена у її основу. У працях вчених знаходимо різні підходи до вивчення метафори. Так, з точки зору теорії синтаксичної семантики, Н.Д.Арутюнова визначає метафору як транспозицію ідентифікуючої (дескриптивної і семантично дифузної) лексики, яка вказує на предмет мовлення, у сферу предикатів, що призначені для позначення на його ознаки та властивості [Арутюнова 1990, с. 19]. Цей підхід зосереджує увагу на впливі семантичної сполучуваності слів на процес метафоризації і дозволяє вивчати метафору як частину тексту.

Інший, лексико-семантичний, підхід до вивчення метафори наведено у працях Г.Н.Скляревської. Автор поділяє метафори на мовні та художні. Згідно цієї точки зору, метафора – це готовий елемент лексики [Скляревська 1993, с. 31]. Таке визначення корелює з когнітивною теорією метафори. Метафоричне значення автор визначає як “подвоєння денотату та перерозподіл сем між денотативною та конотативною частинами лексичного